

по дошедшим до нас его сочинениям, он к ней обратился дважды: во второй половине 30-х годов XVI в. в послании Шишкину и во второй половине 60-х годов в Похвальном слове Ионе. В этом последнем Зиновий Отенский, переключаясь с сюжетами, кровно близкими Пересветову, писал: «Видим же яве судьбы его неизреченныя, како поручи греческое христианское великое царство туркам. Не яко любя турки бог паче грек, яко поручи туркам, малу и худу языку бывшу преже, такое велие царство греческое, но зане грекы христианское велие имуща имя, дел же христианских не снабдеша и судьбы Христовы не оправдаша, суд бо не взыскаша, и праведна суда не судиша, вдовицы и сироты оставиша хотящим озлобляти их, и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не престаша, и обидимых из руку обидящих не избавиша, и обидимыя на обидящих не отмстиша — сего ради бог и предает я в руку враг христианских, языку нечисту, понеже турцы суд имут и мзды не вземлют, и своим о злате не насилуют, и обидити никакоже попускают. Сего ради самого на толико долго время попусти владити им великим царством греческим — яже бо о суде и о правде и о милости и о щедротах согрешения наша мучит бог на нас ... и понеже турцы во иных правду и суд творяху, веру же Христову ненавидающе обидяху, сего ради и паки востанет бог и разсудит прю свою».³²

Каждый из публицистов, писавших о правде, вкладывал в это понятие конкретное общественное содержание. В идеале Ермолая-Еразма правда состояла в труде и соответственно в отказе от насильственного присвоения результатов чужого труда. Для Федора Карпова правда заключалась в протесте против рабского состояния человека. Рабей морали «терпения» Карпов противопоставлял, следуя за Аристотелем, идеал человека как существа общественного, политического, способного и должного занять подобающее ему место в государстве, управляемом властью сильной, но не «мучительской».

Правда Пересветова — это «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму («Правда» как претворение евангельских заветов Христа), публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание».³³

Хотя в приводимом отрывке из Похвального слова Ионе Зиновий Отенский откладывал разрешение названной антитезы до второго пришествия («сего ради и паки встанет бог и разсудит прю свою...»), все же и он не отказывался от поисков земных путей правды в том значении, как он ее понимал. Они, как увидим, лежат в стороне от публицистики, представленной именами Ермолая-Еразма, Федора Карпова, Ивана Пересветова.

Они прямо противоположны тем искателям правды, которые писали в конце XV в.: «Десятина нивы. Сеавшему девят снопов, а имеющему землю десятый сноп. Ащели кто инако разделит — богом проклят будет: „мзды бо и дарове ослепляют мудрых очи“. От нудяж такового сквернаго прибытка отложение всячески творити тщимся, да не гнева божия привлечем на ся, заповедей преступници бывше».³⁴

Что касается социальной правды идеолога народных низов Феодосия Косого, то, как известно, своего наиболее яростного гонителя она нашла именно в лице Зиновия Отенского.

³² Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский..., Приложения, сто 19—20

³³ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники М., 1958, стр. 400.

³⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 25